

Портрет кентавра в интерьере утрат

“Бремя стыда” Даниила Данина

Кудьбура.

2004. — 11-17 марта. — С. 14

Самая ранняя из упоминаемых в справочниках дата рождения участника ВОВ, начавшего войну в июле 1941 года рядовым и закончившего ее в звании капитана, писателя Даниила Семеновича Данина (1914 – 2000) вплотную примыкает к Дню защитника Отечества – 25 февраля. Самая поздняя же из имеющихся – 10 марта. Эта, бесспорно, не самая сложная проблема литературоведения зиждется на двух книгах: первом вторжении в жизнь писателя Советской власти (введении его нового календаря) и обычной человеческой лени, из-за которой дата приводится то по новому, то по старому стилю, да еще и с опечатками в случае, когда требуются обе (с удовольствием здесь это делаем: среднеарифметическое из 6 источников – 28.2 (10.3) 1914).

Изобретателю термина и исследователю феномена “кентавристики” – явления вполне реального сочетания в нашей жизни логически несочетаемого – такой разноразмерной кассетой собственной персоны был бы наверняка интересен.

Впрочем, разноразмерности, касающейся событий его биографии, в справочниках хватает и помимо даты рождения. Так, в большинстве из них о Данине говорится: окончил физический факультет МГУ в 1936 году. В автобиографии писателя данное утверждение решительно опровергается. Не в 36-м, а в 41-м, и не окончил, а проучился “пять курсов физфака”, поскольку, “не став получать диплома, ушел, как белобилетник, добровольцем в народное ополчение”.

Нет в его биографиях советского периода и упоминаний об аресте отца. Хотя здесь будущему писателю, что называется, “повезло”: отец умер в тюрьме до суда и избежал официального обвинительного приговора, а следовательно, как честно указывал Данин во всех анкетах, он не имел осужденных родственников.

Однако арест отца послужил первотолчком всей литературной деятельности Данина – надо было содержать мать, и сын начал подрабатывать, писать внутренние рецензии для газет и журналов, с годами став одним из ведущих критиков.

Эта карьера была оборвана в 1949 году статьей в “Правде”, где писателя назвали “лидером космополитизма” в поэтической критике. Тут, наверное, следует сказать по-

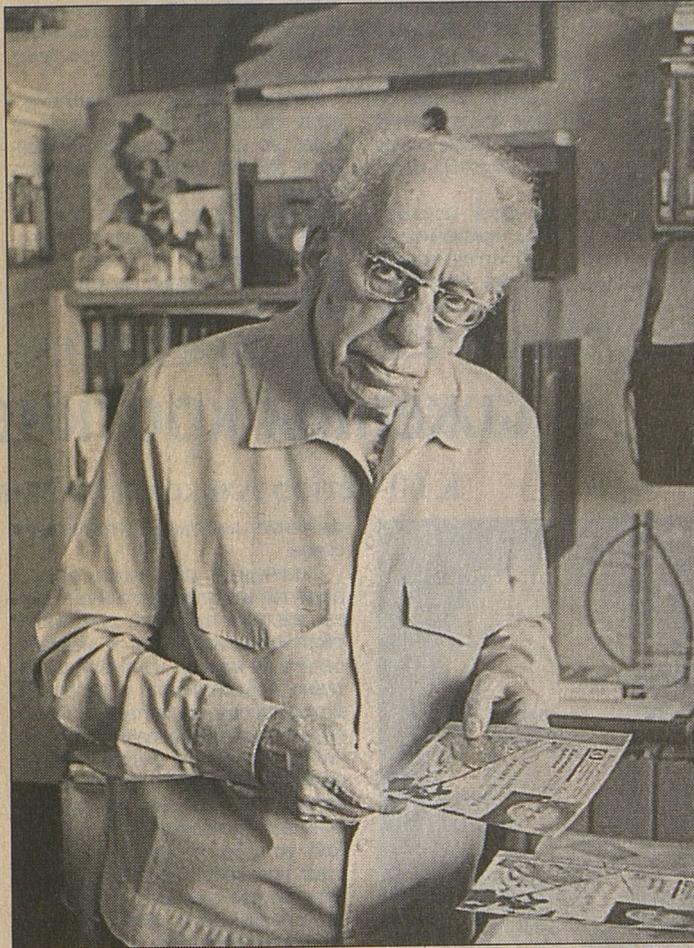
хвальное слово Советской власти: ее усилиями страна захватила бесспорное мировое лидерство в трех направлениях в литературе – в детской, в переводческой и научно-популярной. В них, находясь на второй линии идеологической войны, на десятилетия ухаживали, чтобы как-то выжить и прокормиться, многие, в том числе и крупнейшие писатели и ученые.

Из семнадцати опубликованных при жизни книг большинство составляют у Данина произведения научно-популярные, причем и в этом жанре он становится одним из лидеров, пусть на сей раз и без признания данного факта в “Правде”. Так, его “Неизбежность странного мира” (1961) выдержала в СССР несколько переизданий и была переведена на 11 языков. К вехам этого этапа его творчества следует отнести две вышедшие в серии “ЖЗЛ” биографии крупнейших ученых-физиков XX века – “Резерфорд” (1966) и “Нильс Бор” (1978).

Эта своеобразная “физическая” диалогия дважды пыталась перерасти в трилогию, но не вышло. Когда серию “ЖЗЛ” “возглавил” Юрий Селезнев, один из лидеров “патриотического” направления в русской общественной мысли, издательство завернуло писателю заявку на книгу об Эйнштейне (еврей про еврея – перебор как минимум на 200 процентов). А во времена уже полной свободы его предложение написать книгу об Андрее Сахарове отвергло ближайшее окружение последнего, просто не подпустив к архивам академика, прямым текстом объяснив Данину, что для описания жизни великого демократа найдутся писатели и солидней.

Итак, “роман с физиками” не сложился. Но вне зависимости от всех остальных, реализованных и нереализованных данинских замыслов, главной его вещью 80-х годов, а для многих и просто главной его вещью, стала писавшаяся не для публикации “книга без жанра” “Бремя стыда”, имеющая подзаголовок “Пастернак и мы”. Надо сказать, что многие главные книги русской литературы советского периода именно так и создавались: для себя, в стол, не спеша, год за годом, без всякой надежды увидеть текст напечатанным.

Нельзя сказать, чтобы книга была о Пастернаке, “одной из дурно хранимых наших ценностей”; тут нет

Д. Данин

ни его хронологически выстроенной биографии, ни даже последовательного разбора основных его произведений. Главные темы нелегких данинских размышлений – в вынесенных эпиграфом к книге строках Пастернака:

*Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет?*

Поэт, его стихи, проза, статьи, письма здесь скорее пример гармоничного развития личности в любых условиях, качественный критерий, которым сверяются остальные и остальное – несколько поколений русской интеллигенции, которым выпало жить при советском режиме. Начиная с самого Данина, его родных и близких и заканчивая Маяковским, Мандельштамом, Ахматовой и другими великими.

Нет в книге страстного самобичевания: какие-де мы были раньше плохие и безразличные, но и оправдывается далеко не все, даже поступки неизбежные, например многолетнее утаивание от всех трагической судьбы отца. И чувство стыда – за компромиссы, заблуждения и ошибки, общеполитические и собственные, – является практически неизбежной составной частью осмысления взрослым, много испытавшим и сделавшим человеком своей отнюдь не бесцельно прожитой жизни. Для людей, чувствующих свою ответственность за происходящее вокруг, книга для прочтения неминуемая. С ней не обязательно соглашаться, но пропустить ее сквозь себя необходимо.

Благостная голливудско-американская картинка успешного творческого свершения, большой награ-

ды за хорошо проделанную работу, когда в эпилоге герой хохом вкушает славу, деньги и героиню, в российских условиях обретает какие-то странные, можно сказать, “кентаврические” очертания. Первое издание “Бремя стыда”, ставшее отечественным бестселлером 1996 года, было осуществлено уже дышавшим тогда на ладан “Московским рабочим” – в мягкой обложке, тиражом в 3 тысячи экземпляров и на четверть сокращенным. Последний из параметров, характеризующих испытываемые издательством финансовые трудности, я сейчас, в отличие от автора тогда, считаю нечаянной удачей. Именно благодаря сокращениям книжка оказалась доступной широкому кругу нынешнего узкого слоя читателей серьезной литературы, каковой ее успех, думаю, в немалой степени предопределил скорый, уже в следующем году выход в свет полного варианта – в твердом переплете и 5-тысячным тиражом, осуществленный другим издательством.

Но русский успех – это успех по-русски. Несмотря на то что в книжку вклеено факсимиле рукописной благодарности писателя издателю за публикацию ее в полном объеме, были и у этого издания свои изъяны – оно было безгонимым, мало того, как выяснилось впоследствии, практически и без авторских экземпляров.

По окончании “Бремя стыда” Данин продолжал писать мемуары – уже в совсем другом роде, состоящие из небольших самостоятельных 5 – 10-страничных новелл, посвященных тому или иному человеку, эпизоду, периоду нашей истории. В соответствии с тем, как она писалась, книга называлась “Строго как пошло!” И судя по публиковавшимся в периодике отдельным из нее рассказам, эти воспоминания могли повторить успех 96-го года. Но напечатать ее целиком автор при жизни не успел.

Похороны писателя вылились в апофеоз обещаний – если вначале за поминальным столом выступающие обещали опубликовать все неизданное, то к концу вечера клялись напечатать как минимум нескромное собрание сочинений. Но тогда еще была жива жена писателя Наталья Павловна Мостовенко – сама писательница, автор уникального “Дневника оптимистки в интерьере утрат (декабрь 1990 – 31 декабря 1991)”, в котором сохранена для потомства неповто-

римая атмосфера этого судьбоноснейшего в истории России года, с бесконечными интеллигентскими разговорами, бесчисленными несбывшимися надеждами и опасениями совсем не того, чего надо было опасаться, карточками и длинными очередями, – и я полагаю, что пусть не собрание сочинений, но хотя бы последняя завершенная книга Данина найдет ее усилиями своего издателя и читателя. Увы, уже не стало и Натальи Павловны. А у Даниила Семеновича не было прямых наследников, и кому остался его архив (богатейший – помимо рукописей книг это заметки, записки, дневники, письма за десятки лет жизни, творчества и общения с интереснейшими людьми), неведомо. Равно как неизвестна и судьба архива самой Натальи Павловны, по выходе в 95-м году ее “Дневника” продолжавшей писать (о чем – она умалчивала, обещала рассказать, когда закончит вещь), но написанное не опубликованной. Я не утверждаю, что все это сейчас пропало, искренне надеюсь на обратное, но... не знаю. Беда в том, что не знает вообще никто – по крайней мере, из тех, к кому я с этим вопросом обращался, в том числе и ближайший друг Даниила Семеновича и Натальи Павловны.

Раньше сразу же после смерти писателя была бы создана комиссия по наследию, способная напечатать, ясное дело, далеко не все, но, по крайней мере, сохранявшая и складывавшая в одно место то, что требует бережения. Нынешним творческим союзам не до того, нет ни времени, ни средств, и новые комиссии по наследию вот уже несколько лет как не создаются.

Не хочу говорить за современную молодежь, за то, что именно понадобится ей для дальнейшего культурного развития, да она, наверное, и сама этого еще не знает. Пока в ее запросах (естественно, там, где они вообще есть) шестидесятники занимают одно из последних мест. Но оставить будущему свободу читательского выбора мы сейчас обязаны. И наше сегодняшнее спокойное равнодушие к писателям фронтального поколения служит неплохим гарантом грядущего “протестного”, нам оппонирующего интереса к ним дня завтрашнего и послезавтрашнего.

Павел НУЙКИН

Фото Александра КАРЗАНОВА